

ЖАН ТОЩЕНКО,
член-корреспондент РАН, Москва

Охлократия: возрождающийся феномен?*

Abstract

Among various forms and types of government ochlocracy (from the Greek words 'ochlos' – mob or a mass of people' and 'kratos' – 'rule, power, strength') is the least researched phenomenon both in contemporary scientific literature and in real political practice. This problem has become crucial since the beginning of 1990s, after the Soviet Union's collapse and setting up the new independent states. Many of them emerged and developed according to the patterns more or less similar to ochlocratic. So far they have not found a way out of the 'developmental deadlock'. All actions and events taking place in post-Soviet countries allow concluding about ochlocracy as a specific form of political dominance in comparison to other forms of government and political regimes, such as monarchy and republic, as well as oligarchy, military junta and plutocracy.

Среди различных форм и видов политической власти охлократия (от греч.: *ochlos* – толпа; *kratos* – власть) представляет собой наименее исследованный в современной научной литературе и реальной политической практике феномен, хотя в той или иной мере ее характеристики и отдельные проявления рассматривались в связи с анализом эпох, в рамках которых происходили коренные социально-экономические и социально-политические изменения. Актуальность темы проявилась особенно наглядно в 1990–2000-е годы, когда после распада СССР образовались новые независимые государства. Становление и развитие многих из них происходили по сценариям, близким к охлократическим моделям. Многие до сих пор не смогли преодолеть этот туиковый путь развития. То, что происходит в этих странах, даже с большой натяжкой нельзя отнести к рациональным методам и способам формирования национального государства. И это позволяет весьма определенно говорить о таком типе управления, как охлократия — то есть специ-

* Работа выполнена в рамках научной школы “Новые явления общественного сознания и социальной практики” (НШ-883.2008.8).

фическая форма политического господства, обладающая своеобразными чертами и характеристиками по сравнению и с такими традиционными видами власти, как монархия и республика, и такими особыми формами, как олигархия, хунта или плутократия [подр. см.: 1; 2].

Немного истории

Представления об охлократии созревали постепенно. Следуя традиции, начнем с обращения к мыслителям античности. Прежде всего хотелось бы упомянуть идеи Платона (428/7–348/7 до н.э.) о трех основных формах государственного управления — монархии, аристократии и демократии, каждая из которых, в свою очередь, делится на две формы. Монархия есть владычество одного лица (одной персоны) и может быть законной (царь) или насильственной (тиран). Аристократия есть владычество немногих и может быть господством лучших (собственно аристократия) или худших (олигархия). Что касается демократии, то она может быть законной или незаконной, насильственно-демагогической. По сути дела, Платон, характеризуя искажения демократической формы правления, теоретически обосновал основные проявления охлократии.

Идеи о деформации демократического строя развивал Аристотель (384–322 до н.э.). Охлократия, по Аристотелю, представляет собой извращенную форму демократии. Она, по его мнению, не представляет собой строго очерченную структуру: причисление к ней того или иного государства является всегда результатом учета тех или иных признаков, зависящих от субъективной трактовки ее сущности. Аристотель описывает Афины времен Перикла и после него как такую форму правления, когда господствовала чернь; люди знатного происхождения систематически устранялись от участия в делах управления; при назначении на должность решающую роль играла жеребьевка. И как неизбежный результат: расцвет деспотизма и беспорядки в управлении государственной и общественной жизни. (Справедливости ради следует указать, что другие мыслители видели в Афинах образец чистой демократии.) Вместе с тем Аристотель утверждал, что охлократии недолговечны, но часто после себя оставляют такую форму правления, которую он относит к тирании.

Наиболее полно такую форму политического управления, как охлократия, обобщил древнегреческий историк Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н.э.). Он применил эти идеи к конкретным формам правления в Древней Греции, Риме, Македонии, Малой Азии.

Согласно его трактовке, охлократия проявляется в бессмысленности, произволе, мародерстве и беспределе по отношению к чести и достоинству людей [3].

Признаки охлократии можно найти в римской империи, когда армия возводила на престол или свержала с него по своему усмотрению, вернее — по усмотрению заговорщиков.

В дальнейшем к объяснению интересующего нас феномена обращались исследователи поздней античности, а затем эпохи Возрождения. С проявлениями охлократических тенденций связывают отдельные периоды французских революций 1789 и 1848 годов, когда толпа выбирала всех важнейших должностных лиц. В качестве охлократии некоторые исследователи рассматривают Парижскую коммуну 1871 года, когда такие исторические

акты, как введение всенародного голосования или провозглашение высокой роли труда в общественной жизни, сочетались с другими актами — расстрелом неорганизованной толпой генералов Леконта и Тома, произволом при решении важных проблем общественной жизни.

В XIX — в начале XX века этим понятием пользовались консервативные течения, выступая против предоставления избирательных прав всем людям, против социальных гарантий или предостерегая о катастрофических последствиях пролетарских революций. В этот период охлократию пытались осмыслить как отсутствие продуманной политики в осуществлении власти или сводили ее к проявлениям спонтанных, стихийных и разрушительных форм поведения людей в условиях напряженности в государственной и общественной жизни. В трудах разных ученых (Г.Тард, В.Парето, Г.Моска, М.Вебер, М.Острогорский, Б.Чичерин и др.) неоднократно отмечалось, что охлократия представляет собой опаснейшее социальное явление, несущее бесчисленные бедствия для большинства населения, поскольку в условиях расстроившегося общественного организма невозможно говорить даже об элементарных гарантиях прав и свобод людей.

XX век внес свою лепту в формы проявления охлократии. Достаточно вспомнить период революции 1917 года, время гражданской войны в России, роль толпы в установлении фашистского режима в Германии, гражданскую войну в Испании и др. Как показывает анализ, эти охлократические явления промежуточного характера, связанные с временами борьбы за власть после падения старого режима и вплоть до замены его более устойчивым и более или менее организованным строем [4].

В конце XX — в начале XXI века внимание к этому феномену возросло в связи с многочисленными событиями в разных регионах и странах, которые приводят к дестабилизации ситуации в мире [подр. см.: 5]. Если рассматривать сложившуюся практику современных форм охлократии, то следует признать, что *охлократия практически не выступает самостоятельной формой осуществления политической власти*. Но она существенно дополняет политические режимы, прежде всего в кризисные или переходные периоды. Проявление охлократических тенденций всегда означало фактический кризис власти, критическое состояние политической системы, политического режима в целом. Поэтому обратимся к характерным чертам современной охлократии, ее специфическим особенностям.

Основные черты охлократии

Основными, характерными чертами охлократии являются демагогия, авантюризм и популизм. Ей присуща изменчивость политического курса, непредсказуемость и импульсивность политических акций. Охлократия склонна предельно упрощать сложные общественные проблемы, часто использовать провокации, разжигать массовые страсти, провоцировать скандалы. Ее опорой, как правило, выступают маргинальные и люмпенизированные слои населения, неудовлетворенные своим социальным положением и готовые к неконтролируемым действиям (таким, как убийства, бессмысленное уничтожение материальных ценностей, насилие). Как утверждает Г.Лебон (1841–1920), для охлократа как общественного или политического деятеля характерны недостаток воображения, политический кретинизм, жажда благ и всевозможные авантюристические проекты [6].

Охлократия часто вступает в свои права в переломное время, в критические для общества периоды. Так как кризис общества всегда имеет пределы, охлократия отличается нежизнеспособностью и недолговечностью. В большинстве случаев неустойчивость и недолговечность охлократии ведет к ухудшению общественной ситуации, и выход из нее очень часто оборачивается диктаторскими или олигархическими формами правления [7]. Историческими примерами охлократии является Смутное время в России в начале XVII века, отдельные периоды гражданских войн, народные восстания в древнее время и в средние века, а также периоды смены общественно-политических отношений в условиях трансформирующихся обществ. Однако ярко выраженных форм охлократии существовало не так уж много. История знает больше примеров деформированных, частичных форм охлократии, которые уживаются с другими формами политической власти, проявляются на тех или иных участках общественной жизни, в те или иные периоды кризисного состояния общества, в отдельных регионах или частях государства.

В научной литературе имеется спорная точка зрения, трактующая *охлократию как одну из характеристик массового общества* [8]. Эта трактовка исходит из того, что охлократия синонимична авантюризму в деятельности и настроениях некоей совокупности политических деятелей и организаций, лишенных ответственности за свои поступки и действия ведомых ими людей. Согласно этой точке зрения, такие силы в массовом обществе исповедуют “антисистемные” воззрения и провоцируют разного рода конфликты — расовые, этнические, конфессиональные, политические, социальные и т.п. Несмотря на некую схожесть в проявлениях, все эти явления нельзя отождествлять — охлократия символизирует особое состояние политической власти. Поэтому для социологии, особенно политической, важно выявлять элементы неуправляемости, недостаток авторитета властей, их неумение справиться с нарушениями прав и свобод людей.

Важным показателем охлократического состояния политической жизни является *неверие людей в способность власти справиться с социальными и экономическими проблемами* и, на этом фоне, появление у граждан стремления самим справиться с возникающими трудностями при помощи стихийно образовавшихся организаций. В этих условиях у некоторых людей обнаруживается желание обратиться за помощью и поддержкой к криминальным силам или выйти на стихийные акции протеста, вплоть до самосуда, отказа от участия в голосовании, от соблюдения нормативных требований во взаимоотношениях человека и государства — от неуплаты налогов до игнорирования коммунальных платежей. Многие социологические исследования в России в 1990-е годы фиксировали падение авторитета всех ветвей политической власти, всех ее представителей с четкой переориентацией на личные и групповые (корпоративные) ценности, нередко носящие противоправный характер.

Если обобщить имеющиеся определения охлократии, то можно сказать, что *охлократия — это: 1) власть социально-политических групп, использующих популистские настроения и ориентации населения в крайне примитивных формах, что создает условия для произвола и бесправия во всех сферах общественной жизни; 2) ситуация беспорядков, мятежей, погромов, пробуждающих низменные устремления, инициирующих бессмысленные разрушения, безрассудные убийства и произвол, попрание всех гарантий прав и свобод человека.*

Механизм действия охлократии

Среди средств, используемых охлократией, следует отметить неконтролируемое и беспредельное насилие, проявляющееся в самых различных формах.

Прежде всего, это *поведение толпы*, которая может крушить правых и неправых, потому что ее воображаемые враги являются для нее главным препятствием устранения всех бед [9; 10]. Обычно толпа не имеет целей в будущем — ее действия направлены на тех, кто мешает ей жить сейчас, в настоящее время. То есть в своем поведении она обращена “назад”, не имея “вперед” никаких конструктивных планов. Поэтому ее “рулевыми” могут стать произвольно заявившие о себе демагоги, краснобаи и даже преступные элементы. Это потом толпа поймет, что не того выдвинула. Но при больших потрясениях энергией толпы пользуются политические кланы, которые направляют эту разрушительную силу против своих соперников. Обстановка охлократизма порождает маленьких и больших “вождей” и оракулов, претендующих на власть, отличную от других. Поэтому неудивительно, что в период революций, восстаний, любых общественных потрясений, гражданских войн появляются десятки и сотни различных объединений, которые преследуют самые разнообразные цели — от политических до конфискационных. Нередко эти цели переплетаются между собой, образуя своеобразные кентавры, которые обычно умирают по мере стабилизации обстановки в политике и экономике. Так было в период Великой смуты в начале XVII века при переходе власти от Рюриковичей к Романовым, когда расплодилось множество попыток узурпировать власть Лжедмитриями I и II или боярином Шуйским, не считая большого количества соперничающих групп, стремящихся урвать друг от друга власть и соответствующие ей привилегии.

Нечто подобное, но в другой упаковке появилось в период гражданской войны в России в 1918–1922 годах, когда возникло огромное количество разных “республик”, самостийных отрядов и просто банд, в результате чего долгое время на большинстве территории страны царил беспредел, ибо правила и нормы поведения устанавливались кем угодно, кто в данном случае и на данном месте владел властью.

Стоит отметить *организованное насилие*, которое, будучи осуществляемым толпой, в то же время в той или иной мере направляется властью или оправдывается ею. Речь идет о погромах, систематически возникавших в период напряженностей во внутренней и внешней политике. Всем известны еврейские погромы накануне и в период 1905–1907 годов, во время гражданской войны. Гораздо меньше известно о погромах немецкого населения в период Первой мировой войны.

Одним из приемов, призванных направить ярость толпы и отвлечь от насущных социальных проблем, является поиск врага, на которого можно было свалить все неудачи и все проблемы, которые встречаются людей в повседневной жизни [11]. Одним из таких методов, применяемых в средние века, стали расправы над ведьмами, которых обвиняли во всех несчастиях, неудачах и проблемах в реальной жизни. Переключить на них как воплощение зла внимание с богатых и правящих на такое зло было излюбленным приемом в течение нескольких веков. Начатые по наущению церкви в 1487 году, с появлением “Молота ведьм”, расправы вылились в масштабную охо-

ту на нечистую силу, которая охватила все без исключения европейские страны и продолжалась до 1826-го, когда в Испании сожгли последнюю ведьму (*Осинов С. Люди в зеркале // ЛиФ. — 1998. — № 33*).

Однако нередко использование этих рецептов локальных расправ над отдельными людьми в итоге оборачивалось распространением подобных актов насилия до масштабов национальной трагедии. Это надо отличать от локальных эмоциональных всплесков, таких как поведение болельщиков на стадионах, бурно переживающих победу или поражение любимой команды. Такие нарушения спокойствия повседневной жизни еще терпимы, пока не начинаются провокации с целью дестабилизации общественного порядка в целом. Но гораздо опаснее, когда начинается сознательное провоцирование дестабилизации общественного порядка [12]. Назовем примеры социально-психических эпидемий, отмеченных только в XX веке. Это массовый психоз, охвативший все европейские страны в период Первой мировой войны. Это массовая мобилизация общественного сознания на поддержку гитлеровского режима. Это массовый психоз в США в 1950-х годах, порожденный страхом перед советской водородной бомбой, а также действия по расследованию антиамериканской деятельности, которые породили хорошо организованную “красную панику”. В XXI веке к этому добавилась организация “цветных революций”. Эти примеры можно продолжать по отношению и к отдельным странам, и к разным эпохам.

Рецепты провоцирования современных социально-психических эпидемий известны давно: надо создать образ врага и перекрыть или дискредитировать альтернативные источники информации. Иначе говоря, охлократические проявления можно организовывать искусственно и использовать в своекорыстных целях — как светских, так и духовных [13].

Для раздувания охлократической истерии нередко использовалась произвольно трактуемая история, когда под влиянием недостоверных источников формировалась искаженная историческая память. Чего, например, стоят проблемы, сфабрикованные украинскими ультранационалистами для противопоставления истории русского и украинского народов. Немало спекуляций и по поводу Кавказской войны в XIX веке, отдельные эпизоды которой служат основой для организации всяких провокационных политических сил, использующих толпу для реализации своих эгоистических целей.

В связи с анализом механизма действия охлократии стоит особо остановиться на *функциях СМИ*, когда они сознательно выполняют заказ по дестабилизации политической обстановки. Свобода слова, свобода печати, в конечном счете, свелась к тому, что стала доступна только тем, кто владеет средствами массовой информации или имеет к ним доступ. В результате СМИ превратились в инструмент по реализации узкогрупповых политически и экономически ангажированных целей, продавливания такой позиции, которая была выгодна их собственнику.

Особо следует сказать о таком феномене, как *самозванство*, которое может приводить к серьезным катаклизмам, используя настроения толпы на счет достижения действительных и мнимых целей. К таким проявлениям можно отнести восстание Пугачева, выступившего под именем царя Петра III против “коварной нашей супруги Катьки” (императрицы Екатерины II). Попытками самозванства была отмечена эпоха русских революций, особенно в связи с гибелью семьи Николая II. Историю таких самозванцев поведе-

ла “Неделя”. Оказывается, уже через год после расстрела царской семьи в Сибири объявился юноша, очень похожий на царевича Алексея и назвавшийся таковым. По приказу адмирала Колчака с ним побеседовал француз Пьер Жийяр, бывший воспитатель наследника царского престола, и выяснил, что юноша не знает французского языка. Среди самозванцев оказалась и Степанида Тишкавцева, назвавшая себя Александрой Федоровной, чудом спасшейся женой Николая II, за что и поплатилась, будучи приговорена к 10 годам лагерей в 1946 году. Интересно, что такую молву поддерживали люди, которые, по мнению автора, не столько верили, сколько ностальгировали о прошлом: среди ее почитателей были, наряду с бывшим кулаком, члены семей репрессированных людей. То есть они были изгоями советской власти и хотели на что-то надеяться или, во всяком случае, сожалели об утраченном. Спекуляций на тему этой семьи было предостаточно. В 1938 году в Германии был начат суд по иску некоей Анны Андерсон о признании ее великой княжной Анастасией Романовой. Этой же Анастасией пыталась назваться летом 2002 года 101-летняя Наталья Билиходзе, объявив себя “спасшейся от расстрела в доме Ипатьевых великой княжной Анастасией” [цит. по: 14].

Таковыми же самозванцами стали некоторые мошенники, которые представлялись героями Великой Отечественной войны. Есть самозванцы, имитирующие родство или представительство тех или иных ветвей власти.

Охлократия в постсоветском пространстве

Крах Советского Союза породил самые разнообразные, в том числе и охлократические явления.

Прежде всего, *это стихийные или дезорганизирующие действия, осуществляемые посредством толпы*, которая способна на самые невероятные действия, создающие безвластие и исключаящие всякое вразумительное организационное начало. Толпы, готовой на расправу с любым, кто покажется ей врагом, и в то же время не способной учредить хотя бы относительно устойчивый общественный порядок. Идеологией такой охлократии становится популизм, заигрывание и потакание низкопробным потребностям. Для охлократической массы характерна крутая смена настроений и ориентаций, готовность подчиниться и действовать согласно абсурдным началам [15].

Еще один лик охлократии представляют режимы, порожденные мутной националистической волной, когда бал в ряде республик вершили те, кто шанс для своего прорыва к власти усматривал в использовании самых низкопробных чувств и настроений социальных дегенератов и ущемленных судьбой людей. В Грузии они шли под лозунгом “Грузия для грузин”, в Азербайджане — “Русские — в Рязань, татары — в Казань”, в Молдове — “Чемодан, вокзал, Москва”. Режимы Гамсахурдиа в Грузии, Эльчибея в Азербайджане, Мирчи Снегура в Молдове пришли к власти на волне восставшей черни, которая сметала все советское (синонимом ему было все русское). Но в то же время та же чернь, когда увидела, что от ее новоявленных вождей никакого прока, она также быстро отвернулась от них, и те потеряли власть так же стремительно, как и приобрели ее [2].

Особую лепту в охлократию внесла Чечня, когда пришедшие к власти на волне требований независимости не смогли совладать со своими подопеч-

ными (каждый тейп имел свои вооруженные отряды, не подчиняющиеся так называемой центральной власти). Распространялись такие формы беспредела, как грабеж всех и вся, похищение людей, захваты заложников, махинации с финансами (в том числе и с российскими авизо), массовое изгнание нечеченского населения и расправы над ним. Шайка политических жуликов не могла (и не хотела?) справиться с этими явлениями, и даже самые, казалось, честные из них, как, например, второй президент Чечни Масхадов, скатывались на путь обыкновенного бандитизма, руководствуясь не столько идеями, сколько возможностями править без всяких правил.

Наиболее наглядно охлократические тенденции проявились в ельцинскую эпоху. К концу его правления Россия все больше превращалась в конгломерат “удельных княжеств”, которые все меньше зависели от Москвы. Более того, Москва все больше подчинялась правилам игры региональных вождей. По России прокатилась волна установления особых договорных отношений — сначала между республиками (инициатором был Татарстан, который стал де-факто государством в государстве со своим особым суверенитетом), а затем с областями и краями. Таких договоров было заключено более 40, то есть почти с половиной субъектов федерации. В результате Россия превращалась в некое аморфное образование, которое теряло всякую управляемость. Следствием этого стала потеря промышленности, стремительное падение обороноспособности, нищета экономической базы [16].

В результате бездействия президента, месяцами не появлявшегося на работе, произошло, по меткому выражению В.Никонова, “обнуление государственной власти”, следствием чего “стало разрушение системы выработки, принятия и реализации политических решений, госмеханизм перестал нормально функционировать” (Никонов В. Безвластие // Известия. — 1998. — 20 октября). Страна шла в разнос, охлократические проявления все больше становились господствующими в политической и экономической жизни страны.

Охлократия проявилась и в появлении огромного числа партий. В середине 1990-х годов их число доходило до 200, а с учетом региональных, республиканских, областных и краевых — до 5000. Амбиции в попытке надуть себя до размеров серьезных политических сил били через край. Только в парламентских выборах 1996 года в списки для голосования было внесено 43 партии при почти 20 отказах и при полсотни претензий на возможность войти в список. Появилось много претендентов на роль партии с национальным и религиозным уклоном. Кошмар политических авантюристов — больших и малых — свидетельствовал о том, что политическое покрывало России разрывалось на куски и что даже на одном спектре появилось огромное количество претендентов на лидерство, на вождизм. Характерно в этом случае поведение либералов. Не удовлетворяясь существованием некогда единой партии “Демократический выбор России”, а затем “Выбор России”, почти каждый либеральный деятель считал своим долгом организовать собственную партию. Имели свои отдельные партии и Гайдар, и Немцов, и Хакамада, и Юшенков, и Кириенко и другие деятели. Создав “кухонные” партии, они пытались доказать свое величие, когда страна шла в разнос, когда нарушалось функционирование общественной и политической жизни, рос уровень несогласованности и неупорядоченности государства. В этой охлократи-

ческой ситуации стала возникать реальная опасность, что Россия может пойти по пути Советского Союза и перестанет существовать как единое целое.

Очень часто ситуация безответственности и хаоса дополнялась поведением лидеров политических партий, умудрявшихся свалить все воедино — и большое и малое, и значимое и повседневное, то, к чему стремятся люди, то, чего хочет эта партия и ее “вождь”. Вот очередная презентация сольного альбома В.Жириновского “Настоящий полковник”. На вопрос корреспондента, чему посвящена данная акция, он слышит ответ: “Посвящена она нашему протесту против празднования коммунистами годовщины Ленина, против юбилея НАТО, а также девятому съезду ЛДПР и моему дню рождения” (Комсомольская правда. — 1999. — 24 апреля). От подобных утверждений у людей возникает ощущение полного ералаша, ступора, появляются взаимоисключающие ориентации и оценки, которые порождают (и не могут не порождать) охлократические действия.

О том, что был реален распад России в силу отсутствия целенаправленного управления, свидетельствовали попытки организовать самостоятельные структуры для управления отдельными регионами России. Так, в середине 1990-х годов начала формироваться Уральская республика, которая даже напечатала свои денежные знаки. Были осуществлены попытки (помимо Чечни) создать Северо-Кавказскую федерацию. Нашлись апологеты и Дальневосточной республики. Такая ситуация могла привести к краху и поэтому вполне оправданы усилия Путина, которые были направлены на создание вертикали власти.

Охлократизм российской действительности проявился в таком феномене, как семибанкирщина (аналогично Великой смуте начала XVII века, когда страной заправляла семибоярщина), суть которой свелась к тому, что Россией на деле стала править кучка олигархов, которые разделили между собой страну и намеревались руководить ею на правах сильных мира сего. Этой уверенности добавила им поддержка с их стороны избрания Ельцина президентом России в 1996 году, когда тот согласился на все условия, поставленные ему олигархами.

Показателями расстройтва государственного механизма и погружения его в пучину беспредела стали волна убийств по экономическим и политическим причинам, рост преступности и появление такого специфического феномена, как похищение людей (только в 1997 году было зарегистрировано 1415 таких случаев) (Блоцкий О. Бизнес на крови // Известия. — 1998. — 10 июня).

Кто такие современные российские охлократы?

В 1990-е годы это были политические руководители России во главе с Ельциным и его постоянно меняющейся командой, которые принимали противоречивые и губительные для страны решения, повергшие ее в экономический и политический кризис. На экономическом направлении было сделано столько ошибок, что по страшным последствиям они превзошли уроны Великой Отечественной войны: такого падения производства не знала Россия и в самые опасные периоды войны с фашизмом. Это было дополнено безграмотными, поспешными и авантюрными решениями по либерализации цен и приватизации. Огромным уроном для государства обернулись за-

логовые аукционы. Все лакомые куски государственной (общенародной) собственности были расхвачены между теми, кто находился у власти, и расторопными людьми, разного рода кидалами, создавшими для себя миллиардные состояния в условиях экономического беспредела. Не меньший беспредел осуществлялся и на социальном фронте. Миллионы людей в одночасье потеряли свои сбережения. И в то же время их кормили обещаниями, что вот-вот все наладится. Такие посулы люди слышали от Ельцина в начале 1992-го: дескать, к осени все будет успешно решено. О том, что России ничто не угрожает на экономическом и финансовом фронте, он говорил за несколько дней до августовского дефолта 1998 года. Не менее впечатляющи и шараханья на внешнеполитическом поприще. В период югославского кризиса Ельцин пригрозил Клинтону всяческими неприятностями, заявил, что тот еще пожалеет о содеянном, разве что не назвал его военным преступником. А затем устами спецпредставителя Черномырдина Россия героически усилиями помогла НАТО выиграть войну, сдав по всем параметрам своего союзника, проиграв все, что можно поиграть. В целом Ельцин и его приспешники создавали впечатление “полной расстроенности властного механизма... Никто не просчитывает краткосрочных, не говоря уже о долгосрочных, последствий предпринимаемых шагов. Разрыв между риторикой и реальной политикой велик как никогда. Если и существует механизм принятия решений, то принцип его работы — “от фонаря”. Разве это не воплощение охлократии?” (Никонов В. Несознанка // Известия. — 1999. — 22 июня).

Далее следует сказать о *политических демагогах*, которые отвергают все и вся, особенно что касается советской истории, и строят свои предложения: а) на полной ориентации на политические режимы западных стран (А.Козырев, К.Боровой, А.Илларионов), игнорируя реальность, свидетельствующую о том, что копирование чужих правил и норм не только не приносит пользы, но и противопоказано России; б) на доказательстве полезности и важности возрождения монархической России или православного царства как панацеи от всех бед при беспредельной идеализации того, что было при царском режиме (А.Дугин); в) на некоторых абстрактных пожеланиях, очень привлекательных для авторов, но не понятных для большинства россиян (Г.Явлинский).

Еще одну группу охлократов представляют политические авантюристы, рвущиеся к власти и пользующиеся любой возможностью засвидетельствовать свое желание порулить Россией. Так, либеральным силам была представлена возможность проявить себя на российском и международном поприще. Но они (Гайдар, Чубайс, Немцов, Хакамада) повергли Россию в такой хаос, что народ отказал им в праве говорить от его имени уже в середине 1990-х годов. Амбиции их были настолько велики, что каждый из них организовал свою партию, считая, что именно он спасет страну. Своими действиями они породили хаос, неразбериху, сломав все прежние экономические связи и не построив новых.

Российская действительность в постсоветской России постоянно рождала стихийных авантюристов, которые, будучи нередко связаны с криминальными силами, постоянно претендовали на власть, собираясь кроить ее по своему разумению и “по понятиям”. Это были, например, криминальный авторитет Клементьев, избранный мэром Нижнего Новгорода, или некто Донской, заявивший о своем желании баллотироваться на пост президента

России. К крупным авантюристам относят и М.Ходорковского, которого перестало удовлетворять положение самого крупного олигарха России, и тогда у него возникло желание приобрести и политическую власть.

В последние годы возник *еще один тип охлократов — творцов спецпроектов* с использованием толпы для захвата политической власти. Причем эта толпа не стихийная, а организованная, подготовленная по всем канонам психологической войны. Сценарий с искусственным, но умелым использованием толпы опробован в Сербии для свержения режима Милошевича, в Грузии — для свержения Шеварднадзе и в Украине, когда толпа на Майдане стала весомым аргументом для захвата власти.

Стоит упомянуть и такие проявления охлократии, как *самозванцы, организаторы погромов или внесудебных преследований по националистическим и другим ксенофобным установкам*, которые создают атмосферу беспредела, бездействия закона и разжигания ненависти и вражды.

Если подвести некоторые итоги, то можно сказать, что охлократия — это не просто и не только власть толпы. Это отражение позиций наиболее маргинальных слоев, с одной стороны, и амбициозных политических деятелей — с другой. Это отсутствие концепции развития, что было характерно и для Горбачева, и для Ельцина, и в определенной степени касается нынешней российской власти, особенно если речь идет о перспективе, о долгосрочном предвидении. Это наглядно проявляется в желании нравиться не только своей толпе, но и посторонней силе. Распад СССР и появление новой России характеризовались дикой некомпетентностью, вопиющей ограниченностью, необъятной амбициозностью и, главное, отсутствием чувства реальности и при этом боязнью народа, его настроений, которые, поэтому, пытаются заглушить всяческими подачками и “щедрыми” обещаниями.

Литература

1. *Вятр Е.* Лекция по политологии. Типология политических режимов. — М., 1991.
2. *Тощенко Ж.Т.* Три особенных лика власти. — М., 2003.
3. *Тощенко Ж.Т.* Охлократия // Социологическая энциклопедия. — М., 2003. — Т. 2.
4. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. — М., 1993.
5. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 1993.
6. *Лебон Г.* Психология народов и масс. — М., 1993.
7. *Дюверже М.* Ностальгия бессилия. — М., 1990.
8. *Поттер К.* Открытое общество и его враги. — М., 1998.
9. *Московичи С.* Век толп: Исторический трактат по психологии масс. — М., 1998.
10. Психология толп. — М., 1998.
11. *Маккей Ч.* Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. — М., 1998.
12. *Стародубский Б.А.* Политические режимы европейских стран. — Свердловск, 1989.
13. Преступная толпа. — М., 1998.
14. *Филитов В.* Как поймали “жену Николая II” // Неделя. — 2002. — 17 ноября.
15. *Цуладзе А.М.* Политические манипуляции или покорение толпы. — М., 1999.
16. *Штак Л.Л.* Власть толпы. — М., 1993.